

ТАЙНЫ ДВОРЯНСКИХ ФАМИЛИЙ

Елена Арсеньева

Нарышкины,
или Строптивая фрейлина

Мемуары призрака

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Художественное оформление серии *А. Марычева*

Арсеньева Е.
А 85 Нарышкины, или Строптивная фрейлина : роман / Елена Арсеньева. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Тайны дворянских фамилий. Романы Елены Арсеньевой).

ISBN 978-5-699-65248-8

В старые времена, когда русские цари еще не ввели в моду жениться только на иноземных принцессах, Симеон Полоцкий предсказал юной Наталье Нарышкиной, что она станет любовью государя. Так оно вскоре и вышло — бедную, но красивую дворяночку взял в жены Алексей Михайлович. С тех пор род Нарышкиных был обласкан царским двором, девицы и дамы этой фамилии с удовольствием оказывались в фаворитках государей. И только прекрасная Зинаида Нарышкина противилась любви монарха — вопреки всем пророчествам! Почему — ответ в ее записках...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65248-8

© Арсеньева Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Я все же не хотела бы покинуть
этот свет, не испытав радостей
подлинной любви!

О. де Бальзак «Тайна княгини де Кадиньян»

*К*то это сказал — мужчина
для женщины не цель, а сред-
ство? Никто не говорил? Ну что ж,
значит, это открытие сделала я сама.
Немалое же время мне понадобилось —
целая жизнь! Впрочем, мой покойный
муж, бедный Луи-Шарль...

Бедный!!! Как бы не так!
(Все зачеркнуто)

До чего мне надоело жить! По-
смотрела сегодня на себя в зеркало:
парик, румяна, а под румянами-то...
Нет, это же не я, это карикатура на
меня прежнюю! Не пора ли...

(Зачеркнуто)

Когда я перестраивала Кериоле,
я была так им очарована, что мечта-
ла умереть здесь, быть погребенной
здесь... а дух мой, фантазировала я,
пусть сделается призраком этого вос-
хитительного замка. Однако я тут же
призадумалась: а ведь призраки сохра-

няют тот облик, в котором их застигла смерть. Мне ведь уже столько лет, что подумать страшно! И вот эта старая развалина, набеленная и нарумяненная, в рыжем парике, вдруг возникнет перед каким-нибудь из моих юных потомков...

(Зачеркнуто)

Множество мемуаров я перечитала, и все они начинаются необыкновенно скучно: с рассказа о достославных и достопамятных предках. Разумеется, поскольку закон мне отродясь не был писан, свои мемуары я желала бы начать иначе. Однако деваться некуда. Вся моя судьба — и не только моя, но и многих прочих девиц, урожденных Нарышкиных, была определена тем, что древний, однако никому особенно не ведомый и ничем особенно не примечательный, довольно-таки захудалый наш род возвысился и приобрел особенную значимость среди других мелкопоместных незначительных — и, прямо скажем, захудалых — родов лишь после того, как Наталья Кирилловна Нарышкина сделалась супругой русского государя Алексея Михайловича Тишайшего...

Велика честь, *entre nous soit dit!*¹

Вот повеселился бы милый мой, незабвенный Савва, самая большая тайна моей жизни (или, как выразился бы какой-нибудь англичанин,

¹ Между нами будет сказано (*фр.*). — *Здесь и далее прим. автора.*

мой скелет в шкафу), прочитав сию строку! Вот порадовался и подивился бы моему внезапно-му фрондерству! А это не фрондерство, а всего лишь здоровый цинизм, который я приобрела с течением жизни.

В самом деле, что ж тут такого — взойти на ложе государя его супругой? Мне ли, которой император русский предлагал осквернить ложе сие, в то время как его супруга удостаивала меня своим расположением, мне ли, так и не ставшей фавориткой и обманувшей ожидания всех многочисленных Нарышкиных, которые слепо верили в некое старинное предсказание, передавая тайну его из поколения в поколение, — мне ли, говорю я, относиться к брачным обязательствам с трепетным почтением? К чужим и своим? Само собой разумеется, никакого этого почтения я не испытываю, а потому не взыщи, читатель, коли суждения мои покажутся тебе колкими, а мои жизненные перипетии — чрезмерно скользкими. Я некогда была невинна и чистосердечна до глупости. Но те времена давно минули, и заверяю: прожив с мое, и ты приобретешь ту заветную толику цинизма, которая, подобно драгоценной пряности, придает особенный вкус жизни, этому изначально пресному блюду, от которого лениво косоротятся люди благонамеренные и которым безудержно наслаждаются их антиподы!

Впрочем, я, пожалуй, несправедлива к бедняжке Наталье Кирилловне, ибо она отличалась

совсем даже не столь унылым нравом, как любая иная барышня приличного, пусть и замшелого рода, ее современница. Она оказалась способна рискнуть, однако способности эти вовсе не были переданы ей по наследству, а являлись благоприобретенными. То есть она отлично умела держать в руках вожжи своей судьбы — которая, сказать по правде, была лошадкой вполне бойкой...

В те достопамятные времена государи не женились на иностранках, как заведено теперь, а выбирали себе невесту среди множества здешних красавиц, ибо русскому царю подобало иметь русскую жену, одного с ним вероисповедания. Нынче над этим обычаем смеются. А я печалюсь над теми, кто смеется! Никто не знает, к чему это Россию приведет. Вон, говорят, английский королевский дом разнес по Европе болезнь Спящей Красавицы, гемофилию, как бы и наших не заразили! И ведь заразят, при таком-то отношении к выбору невест! Отеческое не следует огульно отвергать, и в старине есть чему поучиться!

Мне доводилось читать у Николая Михайловича Карамзина, в его «Истории государства Российского», будто съезжались ко двору государя до тысячи барышень, от самых родовитых до самых простых: в счет шли только красота и здоровье. Но какие вокруг этого плелись интриги! Ведь семья, девушка из которой становилась царицей, взлетала до небес, получала почти не-

---

Нарышкины, или Строптивая фрейлина

ограниченное могущество. Разве могло обойтись без интриг? Именно из-за них государь Алексей Михайлович выбирал себе невесту трижды.

В первый раз он предпочел многим красавицам дочку касимовского боярина Рафа Всеволожского Евфимию. По слухам, царь увидел ее впервые, когда охотился в Касимове и его ловчий сокол залетел во двор усадьбы Всеволожского. Встреча была мимолетная — но девица в душу государя запала, а потому, когда он узнал ее среди множества невест, уже ни о ком более не помышлял и видел в сем перст судьбы. Однако это не слишком-то понравилось его ближнему боярину и доверенному человеку (бывшему «дядькой» в ту пору, когда Алексей Михайлович еще не взошел на престол) Борису Морозову, который имел огромное влияние на царя и опасался соперничества Всеволожского, боярина многоумного и толкового. Кроме того, Борис Морозов хотел жениться. Ему, пятидесятилетнему, хорошо пожившему мужчине, мягко говоря старику, очень полюбилась младшая дочка князя Милославского Анна.

Разумеется, родители хотели бы выдать любимую дочку за кого-нибудь помоложе, пусть даже не за столь богатого и могущественного, как Морозов. Однако тот предложил им сделку, которая делала честь его расчетливости, хоть и не делала чести нравственности. За него отдадут Анну, а ее старшая сестра Марья происками

Морозова станет царицей. Тут, конечно, глаза у Милославских разгорелись, и они ударили с Морозовым по рукам в этой тайной и бесчестной сделке. А руки у Морозова были загребушие: говорили, что у него была такая же жадность к золоту, как «обыкновенно жажда пить». Вот и Анну Милославскую надумал загрести.

А тем временем Всеволожские с почетом поехали в Москву и начали готовиться к царской свадьбе.

Перед самым венчанием волосы невестины причесали так, что девушка едва не плакала от боли, но спорить не смела, а в наряде свадебном и стоять сама не могла. Впрочем, и в наши времена невесту русского императора, даже и великую княжну, одевают и наряжают столь тяжеловесно, увешивают таким количеством драгоценных украшений, что ее непременно нужно под руки вести — сама не может двинуться под этим грузом. Конечно, наряжают ее теперь не в русское платье, а в европейское, а все же невыносимая тяжесть! В чем же заключались происки Морозова? Да всего лишь в мучительной прическе, а главное, в том, что, выведя невесту пред царевы очи, прислужницы просто-напросто... отпустили ее. Изнуренная болью и волнением, непривычная носить пудовые, тесные наряды, в которых и дышать было невозможно, она не устояла на ногах и упала, чего только и ждал коварный Морозов. Он немедленно затеял скандал:

Нарышкины, или Строптивая фрейлина

у невесты-де падучая, Всеволожские подсунули царю порченую девку!

Похоже, государь Алексей Михайлович в то время своей головы не имел. Головой его был Морозов, который постарался, чтобы всех Всеволожских немедля загнали в ссылку в Тюмень, а в скором времени государь выбрал себе в жены Марию Милославскую. Рассказывают, она была красавица, значит, и сестра ее меньшая наверняка красавица — и ради этой красоты боярин Борис Иванович Морозов столько жизней перекурочил. Единственное, что извиняет сего подлого и несправедного прислужника в моих глазах, это любовь. Любовь человека немолодого к юной красавице, с которой он пытался вернуть собственную давно отлетевшую юность. Ох как я его понимаю — в то же время понимаю и бессмысленность таких затей как для мужчин, так и для женщин!

...Конечно, я была редкостно глупа, когда надеялась, что Луи-Шарль излечит меня от моей незаживающей душевной раны. Помню, я, словно неутешная вдова — на могилку к супругу, накануне нашего обручения пошла в заветную комнату в старом доме на Мойке, который отдала сыну, и осыпала иммортелями¹ неподвижный остов, накрытый кисеей... На могилку к князю

¹ Immortelle — бессмертник (фр.).

Борису Николаевичу, супругу, с которым жизнь прожила, я и не помыслила пойти проститься! А к памяти о Савве обратилась, обращаюсь и буду обращаться всегда. Я теперь во Франции, я теперь так далеко от заветного склепа, где под покровом тьмы похоронила свою тайную страсть, но все бы отдала сейчас, чтобы вернуться, чтобы открыть замурованную по моему приказу дверь и вдохнуть напоенный сухим, неживым ароматом иммортелей воздух...

Какой идиот придумал называть бессмертниками сухие, мертвые цветы?

Это все равно что назвать живой и веселой мумию!

Хотя о чем это я?.. О Савве, всегда о Савве! Но ведь начала рассказывать о Морозове и его бесчестной женитьбе на Анне Милославской!

Кто его знает, Морозова, может быть, у него все сложилось с Анной Милославской к общему удовольствию, даром что страдал он водянкой и подагрой, вот только детей они не нажили, все умирали во младенчестве, так что род этот в конце концов пресекался и несметные богатства отошли к Феодосье Морозовой, лютой поборнице старообрядческого толка.

Так вот о сестрах Милославских... Несмотря на красоту, здоровьем они обе оказались слабы, дети рождались хилыми и умирали рано не толь-

ко у Анны, но и у Марии, оттого и у государя Алексея Михайловича из тринадцати детей большая часть померли, а из выживших дочери были здоровыми и крепкими, а сыновья — хилыми и болезненными. Может, над ними тоже маячило некое проклятье, как в свое время маячило надо мной?.. Ну и дураки были, коли ему верили, я так вот не верила ни минуточки, а что всякие глупые слова на сей счет мне приписывают, так оно пускай останется на совести тех, кто приписывает!

Об этом я после расскажу, а то никак не доберусь до своей знатной родственницы, Натальи Кирилловны.

Пока государь Алексей Михайлович проводил дни свои в тоске, хороня одного за другим детей и втихомолку бесясь (жена, Марья Милославская, по слухам, была хоть и послушна, да глупа и слезлива), в деревеньке Киркино Рязанской губернии у стрелецкого сотника Кирилы Нарышкина подрастала дочь Наталья. Семья была бедная, не сказать — нищая. Не больно-то разживешься на десяти рублях годового жалованья! Детей много, а хапужничать на своей должности Кирила Полуэктович не был приучен. Перебивались с хлеба если не на воду, то на квас, — и тут вдруг возьми да навести Кирилу Нарышкина его старинный приятель, бывший стрелецкий полковник, а ныне боярин Артамон Матвеев, выдвинувшийся в ближние люди царя. Млад-

шая дочка Кирилы Полуэктова, хорошенькая, но вовсе заброшенная, ему полюбилась: у него самого рос единственный сын, а хотелось дочку. Вот и забрал ее в воспитанницы, а Кирила Полуэктович был только рад сбить с рук заведомую бесприданницу.

Вот бы знал, куда отправил роженое дитяtko, на какую тропку выпустил! И не только ее, а всех девиц Нарышкиных! Да нет, он о таком и помыслить не мог...

Артамон Матвеев был человеком необыкновенным во многих смыслах. Не мое дело описывать здесь его государственные деяния, да я и не слишком сильна в истории — знаю лишь, что женился он не на какой-нибудь тишайшей боярышне, а на иноземке Марии Гамильтон, дочери шотландского дворянина, который хоть и давно покинул родину и прижился в России, однако соблюдал европейские обычаи, к ним и дочку приучил. Эти обычаи чрезвычайно нравились Матвееву: нравилось, что жена появляется, нарядно, затейливо одетая, среди мужчин-гостей, ведет с ними разговоры не чинясь, что не переняла обычая русских красавиц безобразить себе лицо белилами, румянами и сурьмой до неузнаваемости, что учит сына иностранным языкам, много читает и поддерживает затею супруга — устроить домашний театр. В таком же духе шло у Матвеева воспитание и приемной дочери — черноглазой Натальи Нарышкиной, которая оказа-

---

Нарышкины, или Строптивая фрейлина

ласть и умна, и послушна, и в меру весела, однако нравом настолько пылка, игрива и беспечна, что Матвеев вскоре понял: надо девицу поскорей выдать замуж или хоть в монастырь отправить, пока не случилось греха.

И вот как-то раз пригласил он к себе епископа Симеона Полоцкого, воспитателя царевича Федора и учителя подьячих Приказа тайных дел. При нем был один из этих подьячих, молодой красавец по имени Сильвестр Медведев. Пригласил их Матвеев для того, чтобы поговорить о сочинении Полоцкого «Вертоград многоцветный», написанном им для царевича и восхищавшем Медведева могучим штилем стихослогательным:

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,
кою словом написал всяческих владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают
и чудные письмена в себе заключают.
Первый лист есть небо, на нем же — светила,
их, словно письмена, Божия крепость положила.
Второй лист — огонь стихийный под небом высоко,
в нем сего писания силу да зрит око.
Третий лист — преширокий аер¹
мощный звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретает,
в том животных множество обитает.
Последний лист есть земля с древесы, с травами,
с птицами и с животными, словно с письменами...

Но разговор мудреный вскоре сбился с нака-
танной дороги, оттого что явилась в горницу На-
талья и принесла на подносе кубки с вином —

¹ То есть воздух.